

УДК 811.512.14

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ЛЕКСИЧЕСКИХ ВЗАИМОВЛИЯНИЙ ЯЗЫКА ДРЕВНЕТЮРКСКИХ ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ И БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

© М. Ф. Акилова

*Башкирский государственный университет
Россия, Республика Башкортостан, 450076 г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.**Тел./факс: +7 (347) 272 33 82.
Email: akilova_m@mail.ru*

В данной статье рассматриваются вопросы влияния языка орхоно-енисейских памятников на формирование лексики башкирского языка. Источником послужил «Древнетюркский словарь» под редакцией В. М. Наделяева, Д. М. Насилова, Э. Р. Тенишева, А. М. Щербака. Целью данной работы является когнитивный анализ башкирского языка и языка орхоно-енисейской письменных памятников в рамках системы четырех когнитивных сфер. Лексические взаимосвязи башкирского языка и языка орхоно-енисейской письменности удобно анализировать в рамках системы четырех когнитивных сфер: I. Природа (неживая, живая); II. Человек (как физико-биологическое существо); III. Общество (человек как единица функциональной жизни общества); IV. Познание (априори). Идеографическая характеристика лексических взаимосвязей башкирского языка и языка орхоно-енисейской письменности показывает общие черты в отражении их в языковой картине мира. Отдельные элементы языка древних тюрков активно используются и сегодня.

Ключевые слова: башкирский язык, лексика, идеографическая характеристика, орхоно-енисейская письменность, когнитивные связи, взаимовлияние.

Проведение сравнительно-исторического анализа, сравнение с точки зрения сужения или расширения значений слов древнетюркских письменных памятников с современными тюркскими языками является актуальным для современного языкознания. Такого рода исследования способствуют всестороннему изучению тюркских языков, функционирующих на сегодняшний день. Также они помогают определить место древнетюркских письменных памятников среди современных тюркских языков.

В настоящее время в системе лингвистических дисциплин лексикология занимает важное место. Она является неотъемлемой частью языкознания и изучает словарный состав языка. В то же время это самый непостоянный уровень языка. В лексике находят свое отражение мировосприятие, особенности менталитета, мышления народа. Основными ее целями являются диахронический анализ слов, изменений их значений, происхождение, развитие и др. Анализ лексического состава памятников древнетюркских письменных памятников помогает описать образ жизни, мышление, культуру древних тюрков. По мнению Э. Р. Тенишева, общие для тюркского мира корни «кроются в лексической сокровищнице тюрков, в фольклоре, особенно в этнических произведениях, обычаях и поверьях, народных ремеслах и искусстве и т.д.» [7, с. 299]. В данном направлении материалы по лексическому составу памятников древнетюркской письменности являются очень важным и нужным источником.

Нужно отметить, что этнографию с языкознанием связывает проблема языкового родства, различных влияний и т.д. Нужно также подчеркнуть, что этнография ставит и решает как когнитивные, так и практические вопросы этнических аспектов

адаптации жизни и т.д. В языкознании когнитивная лингвистика впоследствии укрепилась и начала развиваться как отдельная наука. В когнитивной науке лексемы выступают центральным и исходным понятием. В зависимости от языковой ситуации, слово может быть преобразовано во вторичную единицу с помощью когнитивного механизма. В этнолингвистике позиции являются прочными (первая позиция – понять культуру через язык, вторая позиция – изучать язык в культурном контексте). В контексте этнолингвистических исследований, учитывая важную характеристику языка, становится актуальным исследование его в когнитивном аспекте. В когнитивном аспекте язык представляется как «одежда» его рассуждений, пониманий. Национальное мышление отражается в национальном словарном составе.

У каждого народа имеются своеобразный мир, духовное начало, нравственные принципы, законы, где зарождается мировоззрение, миропонимание человека. Идеографическая классификация позволяет раскрыть генетическую связь между башкирским языком и языком памятников орхоно-енисейской письменности. При изучении языка древнетюркских письменных памятников можно обнаружить образ жизни, восприятие мира, мироощущение, мышление, мировидение древних тюрков. Изучение языков сравнительно-историческим методом показывает генетические связи с другими языками и также раскрывает историческую жизнь этноса. Башкирский фольклор отражает первоначальную форму башкирского национального самосознания, национальной традиции, описывает аспекты мировоззрения, мировосприятия и мироощущения. Башкирский народный эпос «Урал-батыр» отражает не только национальный образ

башкирского народа, но и языковые особенности. Также отражается описание статуса моральных оценок общественно значимых жизненных ситуаций и определенных моделей поведения человека, информация коллективного опыта и правил поведения человека, которые составляют национальную иерархию ценностей.

Анализ лексического состава орхон-енисейских письменных памятников и башкирского языка в рамках четырех когнитивных сфер: I. Природа (неживая, живая); II. Человек (как физико-биологическое существо); III. Общество (человек как единица функциональной жизни общества); IV. Познание (априори) – дает возможность четко определить такие свойства лексем, как сужение, расширение значений и т.д. В данной статье рассматриваются лексические взаимосвязи башкирского языка и языка орхон-енисейских письменных памятников в рамках четырех когнитивных сфер.

I. Когнитивная сфера «Природа (неживая и живая)». Лексемы, относящиеся в данную группу, имеют точную или в достаточной степени близкую основу с лексемами современного башкирского языка. Лишь некоторые лексемы изменились внешне. Такого рода анализ лексем дает возможность более детально показать генетическую близость исследуемых языков. В древнетюркском языке лексема **taŋ** в башкирском языке используется в форме таң «Утро, рассвет, заря»: *Volčuqa taŋ öntürü tegdimiz* (Тон. 35). – Таңға Болчукка барып еттек «С наступлением рассвета добрались до Болчука». Лексема **tuğ** в башкирском – **кар ойомо** «снежные сугробы, снежные заносы»: Исследования показали, что лексема **tuğ** в современном башкирском не используется. В башкирском языке форма древнетюркской лексемы **qar** не изменилась: **кар** «снег»: *qarïğ sökirän* (КТб.35). – **кар казып...** «Прокладываю путь через снег (сугробы)». Лексема **jil** в башкирском – **йыл** «год»: *Kültigin qon jilqa jiti jägirmi kaçdu* (КТб.50). – *Култэгин йылкы йылының ун етенсе көнөндә «осто» «Культегин умер в семнадцатый день года Лошади».* Древнетюркская лексема **täŋri** – **күк, тәңре** обозначала «небо», а в башкирском языке используется в значении «Тенгри»: *Üza täŋri basmasar, asra tälinmäsär türk bodun ilinjin tögünin qamart arı?* (КТб. 22). – *Күктән тәңре кушмана, ақта ер теленмәһә, ерегеҙе һәм хоҗығыҙы кем алып ине?* «Тюркский народ, если бы сверху не падали небеса, снизу не разверзлась земля, кто бы смог отобрать твою землю и права». **Täŋri** имеет значение «возвышенный». В башкирском языке **тәңре** означает «создатель всего живого на земле, Бог, Всевышний» [1, с. 421]. В «Мифологическом словаре башкирского языка» Ф. Г. Хисамитдиновой **тәңре** зафиксирован в значении «Бог, Всевышний, божество» [8, с. 452]. Значение антропонимов *Тәңребирҙе* «данный Тенгри», *Тәңрегол* «раб божий» связаны с верой в силу

Тәңре, преклонением Тенгри. Арабский путешественник и писатель Ахмед Ибн Фадлан в книге «Записка» о путешествии на Волгу пишет: «И я слышал, как они говорили: «Нет бога, кроме Аллаха, Мухаммад-пророк Аллаха», стараясь приблизиться этими словами к тем мусульманам, которые проезжают у них, но не веря в это. А если постигнет одного из них несправедливость или случится с ним какое-либо дело, неприятное ему, он подымает свою голову к небу и говорит: «Бир тенгри», а это по-турецки (значит) «богом одним», т.к. «бир» по-турецки – «один», а «тенгри» – бог (Аллах) на языке турок».

Для обозначения древнетюркской лексемы **tabiŋgan** «заяц» в башкирском языке используется – **жуян**. Лексема **tabiŋgan** в башкирском языке не используется: *tabiŋgan jiju olurur ärtimiŋ* (Тон. 8). – *Жуян итен ашап йәшәнек* «Жили, питаюсь зайцами». Лексема **uçuq** – кош «птица». В современном башкирском языке есть слово *осоу* «летать», например, *кош оса «птица летит»*: *Jägimiz tägirä uçuq täg ärti* (Тон. 8) – *Яныбыззагы дошман йырткыс кош кеүек ине* «Наши враги были похожи на хищные птицы». В лексике памятников древнетюркской письменности **böri** в башкирском языке для обозначения волка используется – **бүре**: *qarum qağan süsi böri täg ärmis* (КТб. 12). – *Атамкагандың ғәскәре бүреләр кеүек ине* «Войска моего отца-кагана были сильны как волки». Эта лексема во многих тюркских языках используется в форме **kurt**. **Käjik**: в современном башкирском языке используется лексема «кыр кәзәһе» «горный козел»: *Käjik jiju ärtimiŋ* (Тон. 8). – *Кыр кәзәһен ашанык* – «Ели горною козу». В древнетюркском языке данная лексема использовалась для обозначения только одного вида животных, в современном башкирском языке значение лексемы **Käjik** расширилось, *кейек* «дикий зверь, дичь».

II. Человек (как физико-биологическое существо). Лексема в древнетюркском языке **öl-**, в современном башкирском языке – **үл-** «умирать»: *Kišioğlı qör ölgäli (ölügli) törümiŋ* (КТб. 50.). – *Улдары йәшәй һәм үлә* «Сыновья живут, умирают». Лексема **jat-** в башкирском – **йәшә** «жить», в данном случае наблюдается чередование *t~š*: *Tinäsiöğli jatıgma tağığ...* (Тон. 44). – *Тинәси улы йәшәгән тау...* «Гора, на которой живет сын Тинеси». Лексема **uç-** – **ос-** «улетать». В древнетюркском языке данную лексему использовали в значении «умирать»: *Kültigin qon jilqa jiti jägirmika uçdu* (КТб. 50). – *Култэгин ун етенсе көн йылкы йылында «осто» «Культегин умер (досл. улетел) в семнадцатый день года Лошади».*

III. Общество (человек как общественное существо). Древнетюркская лексема **qul** в современном башкирском для обозначения понятия раб используется лексема **кол**: *Tabğaç bodunqa bägilik urı oğlun qul boltı* (КТб. 7). – *Табгач халына ирегеттәрең кол булды* «Стали народу Табгача твои

мужчины рабами». Для обозначения башкирской лексемы *хужса, эйә* в древнетюркском языке использовали слово **idi** «хозяин, содержатель, торговец, владелец, обладатель»: Usar **idi** joqislim! (Тон. 11) – *Хужаларзы юк итәйек тинем* «Я сказал, избавиться от хозяев (владельцев)». Лексема **küñ** использовалась для обозначения понятия «слуга, рабыня», в башкирском – хезмәтсе, кол катын: Silik **qız** öglüñ küñ boltu! (КТб. 24). – *Һөлөктәй кызларың колга әйләнде!* – «Дочери (твои) красивые стали рабынями!».

В орхоно-енисейских памятниках лексемы, связанные с одеждой, немного: **Тон** – *тун* в древнетюркском языке обозначало все виды одежды (одежда (вообще), **arig ton** – таза кейем – «чистая одежда»), а в башкирском языке **тун** используется для обозначения одного вида одежды – *тун* «шуба». **Jalma** – «плащ, накидка, кольчуга»: Jaraqınta **jalma** sintaj üzartuq oqun urtı jizäk başıña bir (tägürmädi)... (КТб. 33) – *Йөзәэн артык ук аттылар, әммә гәскәр башының ялмаһына бер ук та теймәне* «Выпустили больше сотни стрел, но ни одна не достигла кольчуги предводителя войска». О. А. Мудрак в своем выступлении отмечает, что **Jalma** «Этот корень довольно слабо засвидетельствован в тюркских языках, исходное значение его размыто, – значил он или металлическое орудие (оружие), или изделие из металла (боевой панцирный, кольчужный доспех). Первое значение отмечено в османском *jelman (jelmən?)* «ближайшая к оконечности часть сабли, где оборот ее становится тоньше и где начинается раздвоенный клинок» <...> Второе значение обнаруживается в орхонском памятнике Кюль Тегину: *jarıqınta jalmasınta jüzartı uq oqunurtı* «в его панцирь и в его кольчугу попало более сотни стрел», а также в османском *jelme* «кольчуга с разрезом спереди». Дальнейшее развитие этого второго значения отмечается у Махмуда Кашгарского, где *jalma* значит «толстый стеганый халат, накидка»; автор переводит это слово на арабский как 'al-yalmaq и добавляет: «персы взяли (его) от тюрок и произносили yalma (с -h), потом арабы взяли его от персов и произносили yalmaq, передав h через q / f, точно также, как они произносили (персизмы) xandaq из kanda и yaraq из yara... нет никого, кто утверждал бы, что тюрки взяли его от персов. Я сам слышал это (слово) от необразованных тюрок приграничья; они больше, чем другие народы, нуждаются в плащах (=халатах), потому что в их родной стране больше дождей и снега». Если учесть, что ламинарные и кольчужные доспехи у иранцев и тюрок обкладывались с двух сторон войлоком и тканью, а потом простегивались, то становится совершенно ясной причина вторичного перехода значения на «толстый войлочный (как правило, стеганый) халат» [5].

Анализируя данные лексемы, можно прийти к выводу, что многие из них, входящие в группу

«Общество», в современном башкирском языке изменились.

IV. Познание (априори). Слова, которые начинают время: **Таң** – *таң* «заря»: Bolcuqa **tañ** öntürü tegdimiz (Тон.35). – *Таңға Болчуққа барып емтек* «С наступлением рассвета добрались до Болчука». Как и в современном башкирском языке, для обозначения понятия «ночь» в орхоно-енисейских памятниках использовалась лексема **tün** – *төн*: **Tün**udusiqimkelmädi (Тон. 12). – *Төнөн йоком килмәне* «Ночью не хотелось спать». **Küntüz** – *көндөз* – «днем»: **Küntüz** olursuqum kelmädi (Тон. 12). – *Көндөз ултырғым килмәне* «Не хотелось мне сидеть днем». **Tünortusı** – *төн уртаһы* – «полночь»: Jırğaru **tün ortusıjaru** (КТм. 2). – *Һулға, төн уртаһына* «Налево – в полночь». Сравнивая данную группу лексем, мы пришли к выводу, что многие лексемы древнетюркского языка используются в прежнем значении и формы не изменились.

Лексика древнетюркских письменных памятников отражает мышление, интеллектуальную деятельность древних тюрок. В текстах древних тюрок используется перифраза, метафора, аллегория, переносные выражения. Все это является показателем образного мышления, богатством языка древних тюрок.

В заключение следует отметить, что башкирский язык, как и другие современные тюркские языки, прошел долгий путь формирования. Язык тесно связан с бытом, жизненным опытом людей. Язык постоянно совершенствуется и обогащается новыми словами, развивается. Развитие, изменение языка, его прошлое тесно связаны с историей народа. Не зная путей развития языка, его обогащения словарного состава, невозможно в полной мере анализировать его, понять его особенности.

Мы уверенно можем сказать, что орхоно-енисейские письменные памятники имеют прямое отношение к башкирскому народу. Известно, что некоторые башкирские племена (табын, катый, тангаур, канлы) находились в составе Тюркского каганата.

Исследование лексем языка орхоно-енисейских письменных памятников и башкирского языка в рамках системы четырех когнитивных сфер: I. Природа (неживая, живая); II. Человек (как физико-биологическое существо); III. Общество (человек как единица функциональной жизни общества); IV. Познание (априори) – помогло более подробно анализировать генетическую связь исследуемых языков. Данная классификация позволила нам выявить сходства и различия башкирского языка и языка древних тюрок.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь башкирского языка / под. ред. А. Г. Бишшева, З. К. Ишмухаметова, З. Г. Ураксина, У. М. Яруллиной. М.: Русский язык, 1993. 816 с.

2. Болдырев Н. Н. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. №2. С. 7–16.
3. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М.: Наука, 1997. 326 с.
4. Зеленев Е. И. Постижение Образа мира: монография. СПб.: КАРО, 2012. 336 с.
5. Мудрак О. А. Пратюркская металлургическая лексика. URL: <http://altaica.narod.ru/papers.htm>
6. Руденко С. И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М.-Л.: изд-во АН СССР, 1955. 394 с.
7. Тенишев Э. Р. Избранные труды. Книга первая. Уфа: Гилем, 2006. 304 с.
8. Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.
9. Шайхисламова З. Ф. Теоретические и методологические аспекты этнолингвистического изучения топонимической системы Урало-Поволжья (этноонтологическое осмысление) // Вестник Башкирского университета. 2017. Т. 22. №2. С. 493–497.

Поступила в редакцию 18.11.2018 г.

**COGNITIVE ASPECT OF THE LEXICAL INTERFERENCE
OF THE LANGUAGE OF ANCIENT TURKIC WRITTEN MONUMENTS
AND THE BASHKIR LANGUAGE**

© **M. F. Akilova**

*Bashkir State University
32 Zaki Validi Street, 450076 Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia.*

Phone: +7 (347) 272 33 82.

Email: akilova_m@mail.ru

This article deals with the impact of the language of the Orkhon-Yenisei monuments on the formation of the vocabulary of the Bashkir language. "The Ancient Turkic dictionary" edited by V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Scherbak served as a source of the study. The aim of this work was to carry out cognitive analysis of the Bashkir language and the language of the Orkhon-Yenisei written monuments within the framework of the system of four cognitive spheres. It is convenient to analyze the lexical relationship of the Bashkir language and the language of Orkhon-Yenisei written language in the framework of the following four cognitive areas: 1) nature (inanimate, alive); 2) human (as a physical-biological being); 3) society (human as a unit of functional life of society); 4) cognition (a priori). The ideographic characteristic of lexical interrelations of the Bashkir language and the language of the Orkhon-Yenisei writings shows common features in their reflection in the linguistic picture of the world. Some elements of the language of the ancient Turks are actively used today.

Keywords: Bashkir language, vocabulary, ideographic characteristics, Orkhon-Yenisei written language, cognitive communication, interference.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Slovar' bashkirskogo yazyka [Dictionary of the Bashkir language] / pod. red. A. G. Biisheva, Z. K. Ishmukhametova, Z. G. Uraksina, U. M. Yarullinovi. Moscow: Russkii yazyk, 1993.
2. Boldyrev N. N. Voprosy kognitivnoi lingvistiki. 2009. No. 2. Pp. 7–16.
3. Kubryakova E. S. Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya [Parts of speech from a cognitive point of view]. Moscow: Nauka, 1997.
4. Zelenev E. I. Postizhenie Obraza mira: monografiya [Comprehension of the Image of the world: monograph]. Saint Petersburg: KARO, 2012.
5. Mudrak O. A. Pratyurkskaya metallurgicheskaya leksika. URL: <http://altaica.narod.ru/papers.htm>
6. Rudenko S. I. Bashkiry. Istoriko-etnograficheskie ocherki [The Bashkirs. Historical-ethnographic essays]. M.-L.: izd-vo AN SSSR, 1955.
7. Tenishev E. R. Izbrannye trudy. Kniga pervaya [Selected works. Book one]. Ufa: Gilem, 2006.
8. Khisamitdinova F. G. Mifologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka [Mythological dictionary of the Bashkir language]. Moscow: Nauka, 2010.
9. Shaikhislamova Z. F. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2017. Vol. 22. No. 2. Pp. 493–497.

Received 18.11.2018.